

三言二拍

ЖЕМЧУЖНАЯ РУБАШКА

Старинные
китайские повести

Центр
«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
1999

БКК Ш5(5Кит)4
УДК 8(510/517)9

Перевод с китайского и комментарии
В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович

Жемчужная рубашка: Старинные китайские повести / Составл., предисл. И. Э. Циперович. Пер. с кит. и коммент. В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. — 688 с.

Конец XVI—первую половину XVII вв. в истории китайской литературы по праву называют «золотым веком» народной повести. Китайские книжники того времени прилагают огромные усилия, разыскивая и собирая по стране образчики повестей в жанре *хуабэнь*. Находки сразу же публикуют, часто в новой редакции; некоторые известные литераторы сами пишут повести в манере старинных хуабэнь. Издается множество сборников — книжный рынок буквально наводнен произведениями этого жанра.

Настоящее издание включает в себя повести из пяти известных сборников того времени, еще в XVII в. объединенные в два собрания — «Троесловие» и «Поразительное». Оба собрания были подготовлены к изданию знаменитейшими литераторами: составителем первого был Фэн Мэн-лун, составитель и автор второго — Лин Мэн-чу. Издавали истории удивительные, достойные быть запечатленными на долгие времена: здесь любовно-романтические повести и сочинения детективного плана, бытовые случаи и рассказы о легендарной дружбе древних, произведения исторические и самая настоящая фантастика, — своего рода китайский Декамерон.

Издание снабжено вступительной статьей и достаточным комментарием, содержащим объяснения как китайских реалий, так и многочисленных историко-литературных ассоциаций. Книга иллюстрирована прорисьями оригинальных китайских черно-белых гравюр.

Настоящее издание предназначено в первую очередь ценителям средневековой китайской литературы.

*Иероглифы на первой странице обложки и на контртитule
выполнены художником Цзян Ши-лунем (Санкт-Петербург)*

ISBN 5-85803-100-5

© В. А. Вельгус, И. Э. Циперович, перевод,
комментарии, 1999

© И. Э. Циперович, предисловие, составление, 1999

© Центр «Петербургское Востоковедение», 1999

Зарегистрированная торговая марка

ОТ КИТАЙСКОГО СКАЗА X—XIII вв. К АВТОРСКОЙ ПОВЕСТИ НИ ХУАБЭНЬ

В Китае в конце династии Мин (1368—1644)—начале династии Цин (1644—1911) широкое распространение получил особый вид художественной прозы, рассчитанной не на высокообразованных людей, как было принято в былые времена, а на простого читателя или слушателя из народа. Повести и романы, принадлежащие к такой (простонародной) литературе, обозначают в китайском литературоведении общим термином *сяошо*. Наряду с драмой эти произведения становятся ведущим направлением, составляют литературное лицо той эпохи. Значительное влияние оказали они и на процесс дальнейшей демократизации китайской литературы. Даже противники подобной литературы были вынуждены признать этот факт. Так, один из них — известный ученый, историк, литератор и политический деятель Цянь Да-син (1728—1804) свидетельствует: «С древних времен существовали три направления: конфуцианство, буддизм и даосизм. Начиная же с периода Мин появилось еще одно — *сяошо*. Произведения типа *сяошо*... даже самими их авторами никогда не рассматривались как самостоятельное направление. Однако и сановники, и крестьяне, и ремесленники, и торговцы — все увлекались этой литературой; даже неграмотные дети и женщины слушали эти произведения с таким интересом, будто видели перед собой все, о чем в них говорилось. Таким образом, следует сказать, что эта литература распространилась еще более широко, чем конфуцианство, буддизм и даосизм»¹.

Все это отнюдь не означает, что в те времена наметился упадок в художественной прозе, которая создавалась в традиционной манере на старом, трудновоспринимаемом на слух языке вэньянь и испокон веков предназначалась для высокообразованных людей. Как раз наоборот: именно в тот период было создано огромное количество произведений высокой прозы, исторические повествования, философские и критические трактаты, доклады, эпитафии, эссе, новеллы и многое другое, но и в них наметился качественный сдвиг в сторону демократизации.

Что касается китайских повестей *сяошо*, то их называют обычно «популярный рассказ» (*тунсу сяошо*) или «короткая повесть на языке байхуа» (*дуаньпянь байхуа сяошо*). Обращенные к средним и низшим слоям городского населения, повести эти создавались литераторами в манере, присущей *хуабэням* (в переводе: основа для сказа), и потому в китайском литературоведении были определены как «подражание хуабэням» (*ни хуабэнь*).

---

¹ Исторические материалы, касающиеся запретов драматических произведений и *сяошо* в периоды Юань, Мин и Цин (Юань мин Цин сань дай цзиньхуэй сяошо сицюй шиляо). Пекин, 1958. С. 292—293. (Далее: Исторические материалы...)

Знакомство с *хуабэнями*, которые легли в основу повестей, им подражающих, уводит нас в глубину веков к периоду особой популярности устного народного творчества, прежде всего — к деятельности народных сказителей.

Отдельные упоминания о сказителях можно найти уже в китайских источниках VIII—IX вв., однако подлинный расцвет их творчества относится к эпохе Сун (X—XIII вв.) — периоду, когда ремесла и торговля, достигнув небывалого размаха, вызвали бурный рост городов и вовлекли в их кипучую жизнь огромные массы простого люда. В те времена не только в столицах сунского Китая — городах Кайфэна и Ханчжоу, но и в других (главным образом южных) крупных городах на торговых площадях и в прочих людных местах сооружались так называемые «черепичные навесы» для публичных представлений, где кукольники, певцы, фокусники, актеры, прыгуны и борцы показывали свое искусство. Отводились специальные места и для рассказчиков. Одни из них пересказывали буддийские сутры, другие — любовные или фантастические истории, третьи — повествовали о благородных чиновниках и справедливых судьях, четвертые — о героическом прошлом: легендарных сражениях, известных в народе полководцах. Чаще всего сюжет для сказа черпался из книг, однако порой творцами своих историй были и сами рассказчики. Чтобы не оказаться хуже собратьев по ремеслу и не лишиться заработка, они вынуждены были постоянно оттачивать свое мастерство, делать повествование более увлекательным, эмоциональным. Горожане любили послушать в свободное время сказителя, его интересные и поучительные истории о жизни ремесленников, слуг, монахов, торговцев и прочего простого люда. Популярность сказителей в ту эпоху была столь велика, что имена наиболее талантливых из них упомянуты в китайских источниках, описывающих жизнь Кайфэна и Ханчжоу в сунский период.

Мы располагаем теперь не только сведениями о рассказчиках той поры, но и самими текстами их рассказов — так называемыми *хуабэнями*. *Хуабэни* представляли собой либо запись рассказа со слов исполнителя, либо текст, по которому велся сказ. Ранние *хуабэни* далеко не одинаковы по своим художественным достоинствам. Некоторые довольно примитивны по содержанию, стилю и языку и напоминают собой скорее небрежно сделанную запись, нежели художественное произведение. Другие выделяются стройностью композиции, хорошим стилем и языком. Такие *хуабэни* могут рассматриваться как истинно художественная проза, как свидетельство того, какого высокого уровня развития в свое время достиг простой народный рассказ. Подобные рассказы были образно названы Лу Сином «литературой колдцев и рынка».

Демократическая природа *хуабэней*, специфика исполнения сказа и задач, которые ставил перед собой сказитель, определили и их характерные особенности. Основной чертой этого жанра является язык повествования: *хуабэни* написаны не на труднодоступном литературном языке вэньянь, а на языке, близком к разговорному. Как справедливо отмечает чешский китаевед акад. Я. Прушек, «...лучшие образцы народных рассказов сунского периода представляют собой попытку создания произведений искусства на разговорном языке, в котором сохраняются все черты, характерные для простой, естественной речи и диалога»¹. Кроме того, неременна увлекательность сюже-

---

¹ Prusek J. New studies of the Chinese colloquial short Story // Archiv orientální. 1957. N 25. С. 467.

та *хуабэней*, которая всегда сочетается с его дидактичностью, призывом оценить происходящее, сделать из него вывод для себя.

Литературная форма *хуабэней* подчинена ряду обязательных элементов. Повествование начинается со своеобразного «введения в сказ» (*жу хуа*) — небольшого самостоятельного рассказа, так или иначе связанного с идеей основного повествования; такое вступление давало сказителю возможность оттянуть время, пока подойдет народ, и начать основной рассказ, когда слушателей соберется побольше. Обычно рассказ обрамляется стихами; сказитель либо сочинял их сам, либо черпал из народных стихов и песен. Довольно часто вкрапляются стихи и в сам текст повествования; вводятся они, как правило, в наиболее эмоционально насыщенных местах — при выражении душевных чувств героя, описании красот природы, женской привлекательности, героических поступков персонажей. При устном исполнении стихи, по китайской традиции, читались нараспев, порой они исполнялись и в музыкальном сопровождении, что придавало сказу большую выразительность, делало его более живым и в определенной мере роднило с театральным представлением.

К концу XIII в. деятельность сказителей постепенно сходит на нет. Причиной тому явились, с одной стороны, политические события в стране, которые привели к почти столетнему господству в Китае монгольской династии Юань (1271—1368), с другой — решительное неприятие ортодоксальными литературными кругами устного народного творчества — произведений жанра *сяошо* и драм. Такая литература рассматривалась властью имущими не только как «низкая», недостойная внимания, но и как вредная. Запреты на нее в той или иной форме существовали в Китае с конца XIII и чуть ли не до начала XX в.¹

И все же жанру *хуабэнь* не суждено было кануть в Лету. Отдельные *хуабэни* дошли до нас в нескольких собраниях, из которых известны, например, *хуабэни* из сборника Хун Бяня «Повести из горного приюта чистоты и покоя» («Цин пин шань тан хуабэнь») и «Столичное издание популярных повестей» («Цзин бэнь тунсу сяошо»). Повести, вошедшие в эти собрания, скорее всего, датируются XIII в. или несколько позднее².

* * *

Хуабэнь возрождается как жанр в XVI—XVII вв., в конце династии Мин, но уже не в виде фольклора, а в виде авторской повести, написанной в подражание *хуабэням* (*ни хуабэнь*).

В возросшем интересе писательских кругов того периода к драме, роману и повести — увлекательной и доступной по языку литературе, отражавшей потребности основной массы населения (ремесленников, крестьян, торговцев, мелкого чиновничества), несомненную роль сыграли особенности

---

¹ См.: Исторические материалы...

² Подробные сведения о *хуабэнях* как об особом виде китайской старинной прозы русский читатель почерпнет из монографий: Желоховцев А. Н. *Хуабэнь* — городская повесть средневекового Китая. М., 1969; Зограф И. Т. Очерк грамматики среднекитайского языка (По памятнику «Цзин бэнь тунсу сяошо»). М., 1962. И. Т. Зограф принадлежит и перевод всех семи рассказов, вошедших в «Столичное издание популярных повестей» (См.: Пятнадцать тысяч монет. Средневековые китайские рассказы. М., 1962).

политического, экономического и культурного развития Китая в XVI—XVII вв.¹

Что касается подражательной повести *ни хуабэнь*, то интерес к ней в то время был столь велик, что конец XVI и первую половину XVII в. по праву называют «золотым веком» этой литературы. Общественные деятели той поры, писатели и библиофилы с усердием разыскивают по стране старинные песенные сочинения, либретто драм, *хуабэни* рассказчиков. Найденные материалы литературно обрабатываются, известные писатели сами пишут рассказы в жанре *хуабэнь*. Новые повести, написанные в подражание *хуабэням*, вместе со старыми — найденными и отредактированными *хуабэнями* — собираются в сборники и издаются.

Ведущая роль в этой деятельности принадлежит прежде всего двум крупнейшим писателям, драматургам, библиофилам и издателям Фэн Мэнлуну (1574—1646) и Лин Мэнчу (1580—1644). Оба — уроженцы южных провинций (первый — Цзянсу, второй — Чжэцзян), развитых в экономическом и культурном отношении районов, где с давних времен сосредоточивалась большая часть прогрессивной китайской интеллигенции. Реализации их усилий в распространении народной литературы во многом способствовало и хорошо поставленное в тех краях книгопечатание, одним из крупнейших центров которого еще с XIII в. был город Сучжоу — родина Фэн Мэнлуна. Именно из печатен Сучжоу выходили, как правило, сочинения и сборники Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу.

В 20-е—начале 30-х гг. XVII в. увидели свет пять собраний повестей в жанре *ни хуабэнь*, составивших целую эпоху в истории китайской демократической прозы. Изданием первых трех мы обязаны Фэн Мэнлуну, двух последующих — Лин Мэнчу.

Каждое из трех собраний Фэн Мэнлуна содержит сорок повестей, каждое предварено его предисловием.

Первое собрание под названием «Повести древние и нашего времени» («Гу цзинь сяшо») отпечатано в Сучжоу; предисловие к нему не датировано, однако многое говорит за то, что собрание это, скорее всего, увидело свет в 1620 г.

Второй сборник — «Слово простое, мир предостерегающее» («Цзин ши тун янь») был отпечатан в Нанкине; предисловие к нему датировано началом 1625 г.

Третье собрание — «Слово бессмертное, мир пробуждающее» («Син ши хэн янь») отпечатано в Сучжоу; предисловие датировано началом 1627 г. В этом предисловии Фэн Мэнлун дает своему первому сборнику новое название: «Слово назидательное, мир наставляющее» («Юй ши мин янь») и именуется все три сборника сокращенно: «Три Слова» («Сань Янь»). Впоследствии за первым собранием сохранилось его оригинальное название «Повести древние и нашего времени», а все три сборника вместе стали именовать «Три Слова», как это в свое время было предложено Фэн Мэнлуном.

---

¹ Мы не останавливаемся на исторической характеристике эпохи, обусловившей становление и популярность демократической литературы. На русском языке этот аспект освещен достаточно полно. См.: Воскресенский Д. Н. Особенности культуры Китая в XVII в. и некоторые тенденции в литературе // XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969. С. 329—367; Вельгус В., Циперович И. Э. Китайский народный рассказ и его эпоха // Удивительные истории нашего времени и древности. Т. 2. М., 1962. С. 412—454.

Следующим после собраний Фэн Мэнлуна было отпечатано собрание Лин Мэнчу «Поразительное» («Пай ань цзинци») ¹. Это первое собрание *ни хуабэней*, автор которых был обозначен на титуле. В предисловии к собранию своих повестей Лин Мэнчу указывает, что материалом для них служили краткие заметки различных авторов об удивительных случаях, интересных людях, важных событиях, а также небольшие новеллы прошлых веков. Однако все это составляло для автора не более чем сюжетную канву, на которой строилось красочное повествование, создавалось поистине художественное произведение в манере старинных рассказов *хуабэнь*. Собрание повестей Лин Мэнчу вышло двумя частями: «Поразительное. Часть первая» («Чу кэ Пай ань цзинци») и «Поразительное. Часть вторая» («Эр кэ Пай ань цзинци»). Обе части отпечатаны в Сучжоу: первая — в 1628 г., вторая — в 1633 г. В историю литературы обе части вошли под общим названием «Эр (Лян) Пай», по первому компоненту названия самого собрания. Каждая часть оригинального издания, следуя собраниям Фэн Мэнлуна, содержала по сорок повестей.

Появившиеся на протяжении тринадцати лет одно за другим названные собрания составили огромный свод повестей, который впервые в таком объеме представил читателю авторские художественные произведения, написанные в стиле *хуабэней*. Именно поэтому, на наш взгляд, обращаясь к подражательным повестям конца периода Мин, китайское литературоведение рассматривает все пять собраний в одном ряду, именуя их как единое целое — «Три Слова, Два Поразительных» («Сань Янь, Эр (Лян) Пай»).

Непосредственное отношение к деятельности Фэн Мэнлуна имеет увидевший свет между 1635 и 1640 гг. сборник «Камни кивают» («Ши дьянь тоу») ². В нем до нас дошло четырнадцать подражательных минских повестей, автор которых скрыт под псевдонимами «Старец, плененный природой» («Тяньжань чи соу») и «Бродяга-бессмертный» («Лан сянь»). Печатался сборник в той же печатне, где и несколько книг Фэн Мэнлуна. Автором предисловия и комментария в оригинальном издании сборника значился Фэн Мэнлун. Известный французский исследователь минских повестей Леви полагает, что если сам Фэн Мэнлун и не был автором вошедших в «Камни кивают» повестей, то во всяком случае повести эти принадлежат перу писателя, близкого к его кругам. На этот счет ученый приводит целый ряд соображений ³.

И наконец, говоря о собраниях *ни хуабэней* этого периода, следует назвать сборник «Удивительные истории нашего времени и древности» («Цзинь гу цигуань»), отпечатанный не ранее 1633 и не позднее 1645 г. Первые его издания, по свидетельству ученых, содержали предисловие и комментарии, знакомство с которыми дало основание полагать, что он также был отпечатан в Сучжоу и что составлен был по инициативе людей, так или иначе связан-

¹ Здесь и далее название сборника дается сокращенно. Его полное название «Стуча по столу [от изумления, восклицать:] Поразительно!» Именно такую реакцию читателя на каждую из повестей хотел видеть Лин Мэнчу.

² Название связано с хорошо известной в Сучжоу легендой о буддийском монахе Шэнгуне, жившем в храме близ Сучжоу. Проповеди его были столь убедительными, что даже камни, внимая его словам, поддакивали ему, кивая в знак одобрения и согласия. Этим названием составитель как бы подчеркивает основную идею вошедших в сборник повестей: склонять людей к добру.

³ См.: *Levy André. Le conte en langue vulgaire du XVII-e siècle. Paris, 1981. С. 92, 93, 360—364.*

ных с деятельностью Фэн Мэнлуна¹. В собрание вошли сорок повестей, избранных составителем из сборников Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу (двадцать девять из «Трех Слов» и одиннадцать из «Поразительного»). Это собрание сыграло исключительную роль в истории китайской литературы, поскольку оно оказалось единственным оставшимся в обращении вплоть до XX в. памятником прозы в жанре *ни хуабэнь* (до образования КНР он переиздавался в Китае более двадцати раз²).

Судьба остальных названных собраний *хуабэней* и *ни хуабэней* весьма драматична. Практически уже к концу XVIII—началу XIX в. они становятся библиографической редкостью — некоторые уцелели лишь частично, другие пропали полностью, оригинальные экземпляры иных оказались в Японии. Только в 1915 г. было обнаружено и опубликовано «Столичное издание популярных повестей»; лишь в 1947 г. были переизданы на основании оригинала, хранящегося в Японии, «Повести древние и нашего времени»; только с середины 50-х годов нашего века стали доступны благодаря их первому изданию в КНР все три собрания Фэн Мэнлуна, оба сборника Лин Мэнчу, «Камни кивают» и некоторые другие. Даже маститые китайские ученые ничего не знали о них вплоть до начала XX в. Так, известный исследователь китайских романов и популярных повестей Сунь Кайди свидетельствует, что ему стало известно о существовании «Трех Слов» и «Поразительного» только из «Краткой истории китайской прозы сяошо» Лу Синя (то есть не ранее 1923 г. — И. Ц.), а после этого он потратил не менее пяти лет, чтобы разыскать их и познакомиться с ними.

Открытие в конце 50-х гг. собраний популярных повестей XVI—XVII вв. было для китайской литературы весьма важным событием. Вновь изданные сборники, как правило, предварялись обстоятельными предисловиями, знакомящими читателя с самим жанром и с особенностями собрания. На протяжении последующих лет каждое из собраний не раз переиздавалось. Многочисленными исследованиями *сяошо*, в том числе и минской популярной повести, мы обязаны Лу Синю, Ху Ши, Тань Чжэнби, Чжэн Чжэньдо, А Ину, Сунь Кайди, Фу Сихуа, Юй Пинбо, Ван Гулу, Гу Сюэцзи и многим другим авторитетным литературоведам. Одновременно в помощь исследователям *сяошо* издаются и справочные материалы. В связи с нашим сюжетом хотелось бы обратить внимание на двухтомник «Материалы по Сань Янь и Лян Пай»³.

* * *

Знакомство с минскими повестями за пределами Китая прежде всего состоялось в Японии, где их переводили еще в XVIII в., черпая материал, разумеется, из «Удивительных историй...». Сами рассказы типа *хуабэнь* оказали влияние на развитие особого жанра японской литературы, названного акад. Н. И. Конрадом «приключенческой новеллой». Одним из первых собра-

¹ См.: *Levy André*. Op. cit. С. 77—80.

² Таблицу с подробными сведениями о всех переизданиях «Удивительных историй...» вплоть до 1967 г. приводит Леви (Указ. соч. С. 84—86).

³ Сань Янь Лян Пай цзыляо / Сост. Тань Чжэнби. Шанхай, 1980. В книге, явно носящей исследовательский характер, приводятся источники каждого рассказа названных сборников, а также прослеживается его влияние на драму и повесть последующих времен.

ний таких японских повестей были «Пестрые рассказы об удивительных историях древности и современности» («Кокин кидан ханабуса дзосси»), опубликованные между 1744 и 1747 гг. Автор повестей Кино Гёся, по свидетельству акад. Конрада, «...многим обязан известному китайскому сборнику „Примечательных рассказов“ — „Цзинь гу цигуань“. Однако он в достаточной мере искусно сумел придать этому материалу японскую оболочку...»¹ Нечего говорить о том, что с конца 50-х гг. XX в., когда в Китае один за другим стали публиковаться сборники старинных китайских повестей, собрания Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу привлекли к себе особое внимание японских исследователей китайской литературы. Им посвящают свои труды такие видные ученые, как Ёсикава Кодзио, Ирия Ёситака, Хатано Таро, Ота Тацуо, Оки Ясуси и другие. Произведения китайской художественной прозы, в том числе и собрания Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу, публикуются в японском переводе и отдельными изданиями, и в книжной серии «Полный свод китайской литературы в переводе» («Дзэньяку тьюгоку бунгаку тайкэй»). В помощь изучающим эту литературу и японским ее переводчикам издаются разного рода справочные материалы. Один из них — «Указатель к словам и выражениям, прокомментированным в китайских сяшо на разговорном языке» («Тьюгоку хакува сёсэцу госяку сакуин») весьма примечателен².

Ранние переводы из «Удивительных историй...» на европейские языки относятся к XVIII—XIX вв. Особый интерес к китайским повестям был вызван в ту пору прежде всего увлечением Европы Китаем. И хотя тогда многие переводы осуществлялись в первую очередь известными французскими синологами, такими как Э. С. Дени, Т. Пави, А. Ремюза и Ст. Жюльен, они чаще всего все же походили на простой пересказ содержания повестей, куда порой, в угоду европейскому читателю, переводчик вводил красивые и изящные фразы, а иногда целые эпизоды, отсутствующие в оригинале. В 20—50-е гг. нашего века у европейского читателя появилась возможность составить более полное представление о минских популярных повестях благодаря публикации целой серии собраний переводов из «Удивительных историй...», каждое из которых содержало по пять—десять китайских повестей. Правда, сами переводы выполнялись не специалистами в области китайской литературы, а потому были далеко не адекватны оригиналам³. Благодаря изданной в 1952 г. наиболее полной библиографии переводов китайской поэзии и прозы на английский, французский и немец-

¹ Конрад Н. И. Японская литература в образцах и очерках. М. [Б. г.] С. 534. Для сравнения одного из японских рассказов Кино Гёся, переведенного Н. И. Конрадом (см.: Конрад Н. И. Указ. соч. С. 513—522), с его китайским прототипом — повестью «Цзинь Юйну избивает неверного мужа» см. в настоящем собрании с. 110.

² Пособие это, составленное Кабинетом Китаеведения при Осакском муниципальном университете, примечательно тем, что создано, можно сказать, на скорую руку (в виде рукописи, размноженной ксерокопически) в 1958 г., то есть буквально сразу же после первого выхода в свет в КНР собраний Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу (1956—1958). Помимо романа «Речные заводи» (изд. 1953 г.), справочник учитывает в общей сложности девять собраний старинных повестей (*хуабэней* и *ни хуабэней*), изданных в КНР с 1955 по 1958 г., и включает примерно четыре тысячи слов и выражений. Для каждого из них указывается страница соответствующего китайского издания, где данное слово или выражение комментируется.

³ К таким собраниям относятся, например, английские переводы, выполненные Е. Хаулем (E. B. Howell), а также переводы Ян Сяньи в соавторстве с Гледис Ян (Yang Hsien-i and Gladys Yang); переводы на немецкий язык Ф. Куна (F. Kuhn) и И. Херцфельда (Y. Herzfeldt).

кий языки¹ известно, что за период от середины XVIII в. до начала 40-х гг. XX в. в журналах и в виде отдельных изданий на этих языках опубликовано в общей сложности около двухсот переводов повестей из «Удивительных историй...». Не следует, однако, сбрасывать со счета многочисленные переводы минских повестей на итальянский, испанский и другие европейские языки. Интересно, что к 1955 г. только три рассказа из «Удивительных историй...» оставались непереуведенными². Положение с европейскими переводами памятников китайской литературы коренным образом изменилось с конца 50—60-х гг., когда переводчиками произведений восточной литературы стали выступать их исследователи. Углубленный анализ минских повестей мы находим в трудах знатоков китайской старинной прозы *сяошо*: французских китаеведов П. Демиевиля и А. Леви; английского специалиста С. Берча; американских ученых Дж. Л. Бишопа и П. Ханана; чешского востоковеда Я. Прушека. Переводы названных авторов отличаются близостью к оригиналу, наличием необходимых для читателя пояснений к тексту перевода и обстоятельных предисловий.

Довольно рано познакомились с минскими популярными повестями и в России. Уже с начала XX в. переводчиками рассказов из «Удивительных историй...» выступают известные русские китаеведы — профессора А. И. Иванов (1909 г.), Б. А. Васильев (1924 г.), В. С. Колоколов (1929 г.). Однако все это были переводы (далеко не одинаковые по своему достоинству) не более чем одной-двух повестей. Кроме того, как произведения особого прозаического жанра рассказы из «Удивительных историй...» еще в начале века становятся объектом университетского преподавания³. С середины 50-х гг. и до наших дней не прекращаются усилия российских китаеведов по исследованию и переводу старинных *хуабэней* и минских авторских повестей, написанных в подражание им. За указанный период китаеведами-филологами выполнена целая серия таких исследований, а также переводов, которые составили ряд собраний. К их числу относятся труды В. А. Вельгуса, Д. Н. Воскресенского, А. Н. Желоховцева, И. Т. Зограф, А. П. Рогачева, А. А. Тишкова, И. Э. Циперович. Всего к настоящему времени ими переведено в общей сложности более пятидесяти повестей⁴.

Усилия китаеведов-филологов разных стран, давшие миру за последние пятьдесят лет множество переводов из собраний Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу, создали ощутимую базу для исследования китайской протонародной художественной прозы, равно как и для изучения в аспекте сравнительного литературоведения старинной художественной прозы других народов. Без такой базы вряд ли можно было бы серьезно браться за исследование данного жан-

¹ Davidson M. A List of published translations from Chinese into English, French and German. Pt. I. Michigan, 1952.

² См. об этом: Lin Wu-chi. Chinese literature in translation // Indiana University conference of Oriental-Western literary relations. 1955. С. 226.

³ Так, одна из повестей вошла в «Самоучитель китайского разговорного языка» Я. Брандта (Пекин, 1909). В 1912/1913 уч. г. акад. В. М. Алексеев впервые ввел сборник «Удивительные истории...» в программу своих лекционных курсов для демонстрации особых текстов, представляющих собой, по его определению, «промежуточный вариант между китайским разговорным и письменным». Не случайно, разумеется, в дальнейшем первое собрание переводов на русский язык повестей из «Удивительных историй...», опубликованное в 1954 г., было выполнено переводчицей И. Э. Циперович именно по инициативе акад. Алексеева.

⁴ Объем небольшой статьи не позволяет перечислить все исследования и переводы названных специалистов.

ра, ибо, действительно, нельзя «...говорить о литературном произведении с полной убедительностью для других (и в какой-то мере для себя), если оно не переведено на тот язык, который служит тебе орудием твоих доказательств и с помощью которого ты общаешься с читателем...»¹

* * *

Датировка минских повестей, их истоки, определение их авторства — весьма сложная проблема, которой уже долгие годы занимаются историки китайской литературы в самом Китае и за его пределами. При изучении той или иной повести не всегда удается определить — *хуабэнь* это или подражание *хуабэни*, столь мало порой они отличаются по формальным признакам, а иногда и по художественным достоинствам. Рассматривая состав собраний Фэн Мэнлуна, большая часть исследователей склоняется к мнению, что из ста двадцати повестей, в них вошедших, старинными можно считать лишь сорок пять, остальные, скорее всего, написаны минскими авторами, оставшимися анонимными. Повесть «Старый сюцай воздаст за добро трем поколениям одной семьи» принадлежит перу самого Фэн Мэнлуна; по-видимому, ему же принадлежат в трех собраниях и еще несколько повестей.

Как читатель сможет убедиться, авторы подражательных повестей, следуя тематике *хуабэней* и их стилю, сохраняли в своих творениях формальные признаки их прототипа, отмеченные нами выше: близкий к разговорному язык; обрамление рассказа стихами и вкрапление в текст поэтических пассажей; как правило, предпосылка основной истории небольшого рассказа-пролога; авторские отступления, в которых писатель высказывает свое отношение к происходящему, призывая читателя оценить его и сделать для себя соответствующий вывод. Из названных признаков минских повестей наиболее важным является язык произведения, который делает повесть доступной для простого люда.

Практически в каждой повести присутствует назидательная сторона. Как и устный рассказ, литературная повесть призвана привлечь читателя близостью жизненной правде и живой занимательностью повествования. Но в то же время задача каждой повести — наставить людей на путь добра, заклеить все непорядочное, несправедливое, недоброе. Этому подчинены целые тирады авторских отступлений, вводные части и концовки повестей, где в прозе или стихах преподносится вытекающая из повести мораль. Наконец, уже сами названия сборников Фэн Мэнлуна — «Слово назидательное, мир наставляющее», «Слово простое, мир предостерегающее», «Слово бесмертное, мир пробуждающее» — говорят за себя.

О связи минских повестей с сунскими рассказами, о том, насколько важным Фэн Мэнлун считал доступность литературы широкому кругу читателей или слушателей и какое значение придавал воспитательной ее стороне, образно сказано им самим в предисловии к собранию «Повести древние и нашего времени». Позволим себе привести интересующую нас часть этого предисловия.

«Просвещенное правление нашей династии Мин достигло такого расцвета, что нет [литературного] течения, которого не захватила бы волна подъема. Такие вещи, как, например, исторический роман (в тексте: «яньи»). —

---

¹ Эйдлин Л. З. Вопросы изучения литературы средневекового Китая // Проблемы советского китаеведения. М., 1973. С. 269.

И. Ц.) часто превосходят то, что создавалось сунскими авторами. И если иной скорбит о том, что утратилась прелесть стиля авторов периода Тан, — это неправильно. Кушающий персик не выбрасывает абрикоса; лен или шелк, шерсть или парча, — каждое только определенному времени подходит. Танские писатели большей частью выбирали слова, чтобы тронуть сердце высокообразованного человека; сунские авторы — доходчивость, чтобы угодить уху простолюдина. Но сердца высокообразованных людей в Поднебесной мало, а ушей простолюдинов — много. Поэтому тех повестей, которые предназначены для выбора слов, мало, а тех, что предназначены для доходчивости, — много. Допустим, что ныне, выступая на площади, рассказчик что-то описывает. Слушая его, человек то радуется, то изумляется, то ему грустно, то он плачет, то подпевает, то пританцовывает. Порой ему хочется схватиться за нож, порой — низко поклониться, то он готов перерезать себе горло, то пожертвовать деньги. От услышанного трусливый станет храбрее, развратник — целомудреннее, бесчувственный — сердечнее, туповатого и то бросит в пот. И хотя мы с детства читаем „Трактат о сыновней почтительности“ и „Беседы и суждения“ Конфуция, но разве эти вещи могут тронуть человека столь непосредственно и глубоко. Увы! Если это не рассчитано на доходчивость, то как такое может быть?! У меня в доме собрано огромное богатство популярных повестей старинных и нашего времени. И вот, уступая просьбе торговцев, я отобрал из них те, что могли бы быть благом для уха простолюдина. Всего таких сорок штук. Их я и отдал разок отпечатать»¹.

По содержанию минские популярные повести следуют основным тематическим группам устного сказа: повесть любовная (чисто эротическая или любовно-романтически-бытовая); историко-биографическая; о легендарной дружбе древних; близкая к детективу; чисто бытовая, рисующая события повседневные, персонажей весьма заурядных.

Жизненная правда, разнообразие сюжетов и героев, увлекательность повествования, гуманный настрой и легкий язык минских повестей дали основание усмотреть нечто общее между китайскими рассказами из собраний Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу и повестями Джованни Боккаччо. Интересно, что одно из собраний переводов минских повестей на немецкий язык, изданное в 1957 г. в Лейпциге, вышло под названием «Китайский Декамерон». Подобное сравнение не лишено определенного резона. Вспомним, что говорит автор в своем небольшом вступлении к «Декамерону»: «В этих повестях встретятся как занятные, так равно и плачевные любовные похождения и другого рода злоключения, имевшие место и в древности, и в наше время. Читательницы получают удовольствие, — столь забавны приключения, о которых здесь идет речь, и в то же время извлекут для себя полезный урок. Они узнают, чего им надлежит избегать, а к чему стремиться. И я надеюсь, что на душе у них станет легче»².

Разумеется, включенные в настоящий сборник рассказы не равноценны по своим художественным достоинствам, но ведь и нет литературы, а в ней жанра, состоящего сплошь из шедевров. Каждая из повестей хороша по своему.

Впрочем, предоставим читателю возможность самому разобраться в истинных достоинствах произведений, призванных «развлекая, поучать». Так или иначе, но любая повесть удивительно правдиво отражает психологию,

¹ Повести древние и нашего времени (Гу цзинь сяшо). Кн. 1. Пекин, 1955. С. 1.

² Боккаччо Дж. Декамерон. М., 1970. С. 8.

религиозные верования, быт и нравы создавшего эту литературу народа и потому может служить прекрасным источником для познания культуры Китая разных эпох. Ведь ни одна историческая работа, ни один энциклопедический справочник, какого бы совершенства и полноты он ни достигал, не сможет дать столь живого и образного представления о специфике национальной культуры, как литература художественная, и в первую очередь повесть, роман, драма.

* * *

В книгу, которую читатель держит в руках, вошли повести из шести китайских собраний XVII в. Двадцать избранных из трех собраний Фэн Мэнлуна: «Повести древние и нашего времени» (первые шесть рассказов в настоящем сборнике); «Слово простое, мир предостерегающее» (рассказы с седьмого по четырнадцатый); «Слово бессмертное, мир пробуждающее» (с пятнадцатого по двадцатый). Оба собрания Лин Мэнчу «Поразительное» представляют последующие пять повестей; последний рассказ взят из сборника «Камни кивают».

Повести, помещенные в данном сборнике, в разные годы публиковались в отдельных собраниях¹. При подготовке настоящего переиздания русский текст всех повестей был сверен составителем с их китайским оригиналом. Изменения, а нередко и дополнения, составитель был вынужден внести в русский текст некоторых из девяти рассказов, опубликованных в русском переводе в 1962 г. и переиздаваемых впервые в данной книге. Вызвано это тем, что в конце 50-х гг., когда готовился перевод этих повестей, переводчикам не были доступны китайские собрания «Сань Янь» («Три Слова») и «Эр Пай» («Поразительное»), и перевод осуществлялся тогда по сборнику «Цзинь гу цигуань» («Удивительные истории нашего времени и древности». Пекин, 1957), составитель которого вносил в текст рассказов, избранных им из «Сань Янь» и «Эр Пай», некоторые изменения, а порой добавлял от себя целые куски нового текста или исключал отдельные пассажи из оригинального текста «Сань Янь» и «Эр Пай».

Перевод повестей снабжен комментариями, которые обозначаются звездочкой перед собственным именем, словом или выражением, требующим пояснения. Пояснения к географическим названиям даются только там, где это необходимо для понимания соответствующего места повести. Сами комментарии помещены в конце книги и расположены в алфавитном порядке.

В связи с выходом данной книги не могу не вспомнить с благодарностью двух дорогих мне людей. Прежде всего, моего учителя академика Василия Михайловича Алексева, который в свое время предложил мне заняться переводом рассказов из «Удивительных историй...», рекомендовал мой перевод к изданию и просматривал мою работу уже будучи смертельно больным. Таким образом, первое собрание повестей из «Удивительных историй...» в их русском переводе² появилось именно благодаря В. М. Алексеву. Огромный

¹ Удивительные истории нашего времени и древности. Т. 1—2. М., 1962; Разоблачение божества: Средневековые китайские повести. М., 1977; Удивительные истории нашего времени и древности. М., 1988.

² Удивительные истории нашего времени и древности: Избранные рассказы из сборника XVII в. «Цзинь гу цигуань» / Пер. и примеч. И. Э. Циперович. М.; Л.: 1954, 315 с.

труд в изучение повестей данного жанра вложил китаевед Виктор Андреевич Вельгус, знаток китайского языка и китайской литературы, который выступал не только как переводчик ряда повестей, но и как придирчивый редактор переводов, выполненных И. Э. Циперович. Выражаю искреннюю признательность сотрудникам Центра «Петербургское Востоковедение», работавшим над подготовкой данной книги к печати. Почти весь сборник в процессе его корректуры был прочитан Елизаветой Михайловной Райхиной, замечания и советы которой приняты мной с большой благодарностью.

И. Э. Циперович

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Циперович И. Э.</i> От китайского сказа X—XIII вв. к авторской повести ни хуабэнь	5
1. Цзян Сингэ вновь видит жемчужную рубашку. <i>Перевод И. Циперович</i>	18
2. Пэй Ду, князь Цзиньчжоу, великодушно возвращает чужую невесту. <i>Перевод И. Циперович</i>	60
3. Тэн, начальник уезда, хитро решает дело о наследстве. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	74
4. Ян Цзяоай жертвует жизнью ради друга. <i>Перевод И. Циперович</i>	98
5. Цзинь Юйну избивает неверного мужа. <i>Перевод И. Циперович</i>	110
6. Шэнь Сяося довелось вновь увидеть доклады Чжугэ Ляна. <i>Перевод И. Циперович</i>	126
7. Ду Десятая в гневе бросает в воду шкатулку с драгоценностями. <i>Перевод И. Циперович</i>	164
8. Чжуан Цзысю бьет в таз-барабанчик и постигает великое Дао. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	186
9. Люй старший возвращает деньги и воссоединяет свою семью. <i>Перевод И. Циперович</i>	200
10. Старый сючай воздаст за добро трем поколениям одной семьи. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	216
11. Ли-небожитель, пьяный, пишет письмо, устранившее варваров. <i>Перевод И. Циперович</i>	232
12. Старая войлочная шляпа соединила Сун Цзиня с женой. <i>Перевод И. Циперович</i>	252
13. Юй Боя, скорбя о друге, разбивает цитру. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	276
14. Тан-цзеюань шутя добивается желанного брака. <i>Перевод И. Циперович</i>	292
15. Продавец масла покоряет царицу цветов. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	308
16. Пустяковая ссора из-за медака приводит к неслыханным бедам. <i>Перевод И. Циперович</i>	354
17. Ли Мянью в крайней беде встречает благородного рыцаря. <i>Перевод И. Циперович</i>	392
18. Су Сяомэй трижды озадачивает жениха. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	426
19. Как по ярлыку в сапоге разоблачили бога Эрлана. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	442
20. Лу Нань, любитель поэзии и вина, не посчитался с уездным начальником. <i>Перевод И. Циперович</i>	470
21. Алхимик опыт «девять превращений» не довел до половины; богач истратил тысячи монет лишь на одну красавицы улыбку. <i>Перевод И. Циперович</i>	510

22. Простолюдин за большие деньги получает должность; судьба отвернулась — и начальник области становится на джонке рулевым. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	530
23. Друзья-соученики принимают выдумку за правду; девица-сюцай ловко подменяет одно другим. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	548
24. Кэ Чэни у подножья гор похитили красотку; сюцай, начальником переодетый, пируя на реке, свою наложницу вернул. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	582
25. Знаменитый ученый-конфуцианец из-за пустяка затеял дело; твердая духом женщина, испытав пытки, прославилась в веках. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	600
26. Сон госпожи Ци о черепахе, предсказавшей ее судьбу. <i>Перевод И. Циперович</i>	618
Комментарии	651